
★ ★

МУСБАТ

79

АФГАНИСТАН
★ ДЕКАБРЬ 1979 ★

154
ОТРЯД СПЕЦНАЗ
МУСБАТ

ЧЕСТЬ ★ ДОЛГ ★ БРАТСТВО

Павел Смолин

Мусбат 79

«Автор»

2026

Смолин П.

Мусбат 79 / П. Смолин — «Автор», 2026

Декабрь 1979 года. Выпускник академии Генштаба Алексей Тяпкин получает кирпичом по голове прямо у дверей ресторана, где гуляли однокурсники. Открывает глаза и обнаруживает, что он больше не Тяпкин. Он рядовой Ринат Ильясов, татарин из Набережных Челнов, боец 154-го отряда специального назначения. Мусульманского батальона. Под Кабулом. За три дня до штурма дворца Амина. Офицерские знания в голове, лычки рядового на плечах. Послезнание о том чем кончится эта война, и полная невозможность об этом сказать. Можно только воевать. Честно, хорошо, с теми людьми, которые оказались рядом

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Павел Смолин

Мусбат 79

Глава 1

Глава 1

Банкет кончился ровно тогда, когда должен был — то есть слишком поздно.

Я вышел на крыльцо ресторана «Казань» и остановился. Внутри ещё гудели — Витька орал что-то в микрофон, кто-то смеялся так что было слышно через закрытую дверь, за столами допивали последнее. Двадцать пять человек нашего потока. Завтра разъедемся — кто в Москву, кто на Дальний Восток, кто куда пошлют. Меня послали в Екатеринбург. Штабная работа, серьёзная должность для свежеиспечённого старлея.

Я прислонился к стене и закурил — чужую сигарету, стрельнул у Ломова ещё за столом. Своих не было и не было принципиально, но сейчас был особый случай. Пять лет. Выпуск. Завтра в войска. Сегодня можно.

Дверь хлопнула, рядом встал Серёга Ломов — однокурсник, здоровый, краснолицый, с галстуком набекрень.

— Тяпкин, ты чего слинял? Там Витька сейчас тост за нас говорит, длинный.

— Слышу. Поэтому и вышел.

— Ну и зря. — Серёга достал свою пачку, закурил, посмотрел на тёмную улицу. — Слушай, ты реально в Екб хочешь? Штаб, бумаги, строевые смотры?

— Не хочу. Но пошлют.

— Я бы попросился куда живее.

Я посмотрел на него. Серёга был из тех людей которые всерьёз считают что армия — это приключение. Обычно это проходит после первого настоящего дежурства. Иногда не проходит — тогда получается либо хороший офицер, либо большая проблема.

— Живее бывает по-разному, — сказал я.

Он пожал плечами и ушёл обратно. Дверь закрылась, музыка стихла.

Июнь пах тополями. Тем самым запахом — тёплым, чуть пыльным, с привкусом чего-то детского — который каждый раз кажется новым, хотя ты точно знаешь что он будет. Тополинный пух лежал на асфальте белыми ключьями, и в свете фонаря казалось что кто-то разобрал подушку прямо посреди улицы. Хотелось идти куда-нибудь просто так. Не домой, не в общагу собирать чемодан. Просто по улицам, пока ноги несут и ночь не кончилась.

Казань спала. Тёмные окна панельки напротив — только в одном, третий этаж, синеватый отсвет телевизора. Кто-то не спит. Смотрит ночную программу, пьёт чай, не знает что внизу стоит свежеиспечённый старший лейтенант Тяпкин Алексей Сергеевич и думает о том что жизнь — довольно странная штука.

С крыши панельки донёсся скрежет. Резкий, металлический — будто что-то тяжёлое сдвинулось по жести.

Я машинально поднял голову.

Секунда тишины.

Потом голос сверху — расстроенный, почти виноватый:

— Осторожно!

Я успел подумать что это странное предупреждение. Обычно кричат до, а не во время.

Треск.

Темнота.

— — —

Первое — холод.

Не тот мягкий июньский холодок что бывает после полуночи, а другой — плотный, давящий, пропитавший всё насквозь. Я лежал на чём-то жёстком. Попробовал вдохнуть — получилось. Попробовал пошевелить пальцами — получилось, но странно. Как будто между мозгом и руками появилась лишняя прокладка.

Второе — запахи.

Портянки. Солярка. Пыль — сухая, горьковатая, незнакомая. И ещё что-то — спрессованный запах многих людей в одном помещении.

Я поднёс руку к лицу.

В тусклом свете — откуда-то сбоку, через маленькое окно под потолком, сочился жёлтый фонарный отсвет — я увидел чужую ладонь. Смуглую, с обломанным ногтем на указательном, с мозолью на подушечке большого. Короткие пальцы, широкое запястье.

Не моя рука.

Я лежал и смотрел на неё. Долго — секунд тридцать, наверное. Потом сказал себе: ладно. Потом сел.

Это потребовало усилий — не потому что болело, а потому что тело было другим. Центр тяжести чуть ниже, мышцы работали с другим откликом. Как пересаживаешься за другой руль — похожий, но нужно подстроиться.

Казарма. Двухъярусные деревянные нары, человек двадцать спит. Кто-то храпит в дальнем углу — методично, как метроном. Кто-то бормочет во сне не по-русски, мягкие согласные. Окно маленькое, за ним клочок тёмного неба.

Я это знал.

Стоп.

Я это знал — не потому что был здесь, а потому что тело помнило. В теле жила чужая память. Доступная — как читаешь чужой дневник и понимаешь о чём он, хотя писал не ты.

Меня звали Ринат.

Это пришло само, без усилий. Ринат Ильясов, двадцать два года, Набережные Челны. И следом, кусками, как карточки из картотеки — образы.

Дед Хасан встаёт до рассвета. Каждый день, в любой мороз. Стелет на пол коврик — старый, с вытертым узором, зелёный по краям и красный в середине. Встаёт на колени и молится. Тихо, едва слышно, лоб касается коврика — раз, ещё раз, ещё. Маленький Ринат подглядывал в щель двери. Утром спросил отца: дед с кем разговаривает? Отец сказал — с Богом. Подумал и добавил: так у нас принято.

Мать — в платке. Не всегда, только дома. На улице — обычная советская женщина, сменщица на конвейере КамАЗа, депутат профсоюзного комитета. Дома — платок, и руки пахнут тестом. В большие праздники на кухне появлялся чак-чак — золотистые жгутики, мёд, хруст. Редко. Именно поэтому — счастье.

Всё это было чужим.

И всё равно — защипало где-то, пока шло.

Я мотнул головой.

Ладно. Разберём по порядку.

Тяпкин Алексей Сергеевич, старший лейтенант, год рождения 1997-й, год смерти — судя по всему, 2025-й. Способ смерти: кирпич с крыши. Обидно и нелепо. Ринат Ильясов, рядовой, 154-й отдельный отряд специального назначения — мусульманский батальон. Кабул, декабрь 1979-го.

До штурма дворца Амина — дня три, максимум четыре.

Это я знал точно. Не из памяти Рината — из своей. Третий курс академии генштаба, преподаватель Михалыч — сухой дед с орденскими планками, который вёл историю специальных операций. Операция «Шторм-333», 27 декабря 1979 года. Штурм дворца Тадж-Бек. Мусуль-

манский батальон — одна из главных ударных сил. Семьдесят девять погибших с советской стороны.

С нижних нар зашевелился Довлет.

Я знал кто это — из памяти Рината, автоматически. Довлет Аннаев, туркмен из Мары, двадцать лет, пятеро братьев дома. С ним можно. Он поднял голову — круглое тёмное лицо, сонные щёлки глаз.

— Чего не спишь? — тихо, чтоб не будить остальных.

— Приснилось что-то, — сказал я.

Голос вышел не мой. Ниже, хриповатее. Голос Рината. Я мысленно отметил это и убрал в сторону — потом.

— Плохое?

— Странное.

Довлет помолчал секунду.

— Я тоже сегодня видел странное. — Он зевнул, прикрыв рот рукой. — Мать приходила.

Что-то говорила, я не слышал. Наверное, к погоде.

— Наверное, — согласился я.

Он кивнул и лёг обратно. Через минуту снова дышал ровно.

Я сидел и смотрел в темноту.

Семьдесят девять человек. Цифра из учебника — холодная, аккуратная, без лиц и имён. Довлет который только что со мной разговаривал — войдёт он в эти семьдесят девять или нет? Я не знал. История сохранила итог, не состав. Это было неприятное незнание. Неприятнее чем казалось бы.

Первое правило: не выделяться. Вести себя как Ринат. Память есть — использовать.

Второе: не умничать. Я рядовой. Рядовые не командуют и не умничают. Рядовой который ведёт себя как офицер — это вопросы.

Третье: выжить. Базовый приоритет. Всё остальное — потом.

За окном начинало сереть.

— — —

Казарма поднялась в шесть.

Барсуков включил свет — резкий, казённый — и сказал «подъём» таким тоном которым, видимо, говорил это каждый день: без интонации, просто информация. Люди вокруг начали шевелиться — кряхтеть, спускаться с нар, нашаривать ботинки. Я сделал то же самое. Руки Рината знали где что лежит.

Умывальник находился на улице — длинный железный жёлоб, вмёрзший в холодное декабрьское утро. Я встал в очередь, подождал, подставил ладони под ледяную воду.

И увидел себя.

Над жёлобом висело небольшое мутное зеркало — треснутое, в пятнах. В нём стоял незнакомый человек. Смуглое скуластое лицо, тёмные глаза, короткая стрижка. Молодой — лет двадцать, двадцать два. Острые скулы, сросшиеся у переносицы брови.

Я поднял руку — человек в зеркале поднял руку.

Потрогал щёку — он потрогал щёку.

Стоявший сзади боец нетерпеливо кашлянул — очередь стоит. Я отошёл, вытер лицо казённым полотенцем. Грубым, как наждак.

Ладно. Вот так я теперь выгляжу.

Это нужно просто принять и идти дальше.

— — —

Столовая была большим деревянным баракком — длинные столы, скамейки, запах варёной каши и чего-то жареного. Я взял поднос, встал в очередь. Раздатчик — узбек, пожилой, с

красным лицом — наложил мне кашу и плеснул в кружку чаю. Каша была серая, с комками. Чай — крепкий, почти чёрный, без сахара.

Я сел рядом с Довлетом.

Напротив устроился незнакомый боец — высокий, худой, с умными беспокойными глазами. Ел быстро, читал что-то одновременно — держал книгу под столом, скашивал взгляд. Память Рината дала подпись: Бахтиёр Рахимов, таджик, из Душанбе, отец профессор, сам не доучился в политехе — призвали.

— Ты новенький? — спросил он не поднимая глаз от книги.

— Ильясов. Татарин.

— Вижу что не узбек. — Он перевернул страницу. — Рахимов. Откуда?

— Набережные Челны.

— КамАЗ, — сказал он.

— КамАЗ, — подтвердил я.

— Мой дед туда ездил. На экскурсию от завода. Говорил — огромный. Пустое место, а потом раз, и целый город.

Довлет справа ел молча, методично, с тем спокойствием с которым, судя по памяти Рината, делал всё. Поднял взгляд на меня — коротко, оценивающе — и снова опустил.

— Довлет Аннаев, — сказал он. — Мара.

— Знаю.

Он чуть прищурился.

— Откуда?

— Говорил вчера, — соврал я.

Довлет подумал секунду, кивнул — может и говорил, не помню — и вернулся к каше.

Я ел и слушал. Столовая гудела — тридцать, сорок человек, разговоры вполголоса. Узбекский, таджикский, туркменский — всё это смешивалось с русским, образуя странный фон. Где-то в дальнем конце смеялись над чем-то, смех короткий, солдатский. За соседним столом двое спорили о чём-то — я разобрал только интонацию, не слова.

— Тебя как сюда занесло? — спросил Бахтиёр, убирая наконец книгу под бедро. — В мусбат?

— Направили.

— Направили. — Он покивал. — Нас всех направили. Я имею в виду — зачем татарина в мусульманский батальон?

— Ошибка в документах, говорят.

— Говорят. — Бахтиёр отпил чаю, поморщился — горячо. — Мой отец говорил что в советской армии ошибок в документах не бывает. Бывают решения которые не объясняют.

— Мудрый, — сказал я.

— Очень. — Он вздохнул. — Именно поэтому я здесь, а он там. Лучше бы чуть глупее был, может бы меня предупредил вовремя.

Довлет перестал жевать.

— Предупредить о чём? — спросил он.

— Ну. — Бахтиёр пожал плечами. — Не идти в политех. Пойти в другое место. Получить бронь.

— Бронь от армии?

— От этой армии. В это время. В это место.

Довлет смотрел на него.

— Ты не хочешь служить? — спросил он — без осуждения, просто уточняя.

— Я уже служу, — сказал Бахтиёр. — Хочу или нет — неважно, раз уже здесь. — Он взял ложку. — Это я вообще. Философски.

— Философски, — повторил Довлет. Попробовал слово на вкус, видимо остался доволен, убрал обратно в запас.

Я доел кашу.

Первый завтрак в теле Рината Ильясова, 154-й ооСпН, Кабул, декабрь 1979-го. Каша серая, чай чёрный, рядом — туркмен который молчит и таджик который философствует. Жить можно.

Мне нужно было освоить это тело, этих людей и эту ситуацию за три дня. Потом — штурм.

Я встал, убрал поднос.

Вполне рабочие условия.

— — —

Первые дни шли как первые дни везде — быстро и одновременно бесконечно.

Распорядок я знал из памяти Рината, поэтому не позорился — подъём, завтрак, занятия, обед, снова занятия, ужин, отбой. Барсуков гонял по плацу, учения по тактике, техническое обслуживание техники. Всё это я делал правильно — может немного правильнее чем нужно для рядового, но Барсуков пока молчал.

Молчать было главным правилом.

Я разбирал чужую память как картотеку — методично, без спешки. Вот Рустам Юлдашев из Самарканда, старослужащий, следит за порядком по-своему. Вот Фарид Юсупов — тихий, верующий, из хорошей семьи. Вот Санжар Каримов — молодой, улыбчивый, из кишлака под Ферганой. Лица, имена, характеры — память Рината давала всё это, я только укладывал по полкам.

На третий день после завтрака Барсуков подошёл ко мне у казармы.

— Ильясов.

— Да.

— Сегодня занятие по тактике. С лейтенантом Грековым. Идешь.

Это было не вопросом. Я пошёл.

Греков — молодой, лет двадцать пять, с той особенной уверенностью недавнего выпускника — объяснял действия отделения в обороне. Рисовал схемы на доске, спрашивал. Бойцы отвечали вяло — не потому что не знали, просто занятие было обязательным и поэтому неинтересным.

— Ильясов. — Греков ткнул пальцем в схему. — Фланг противника вышел на рубеж пятьдесят метров. Ваши действия?

Я знал ответ. Не только знал — видел три варианта ответа, с разбором каждого, потому что именно этот тактический сценарий разбирался на втором курсе академии в теме «Действия стрелкового отделения при внезапном контакте».

— Отход перекатами, — сказал я. — Первая пара отходит, вторая прикрывает. Третья пара прикрывает первую после смены позиции.

Греков смотрел на меня секунду.

— Правильно. — Он повернулся к доске. — Все слышали?

Я почувствовал взгляд сбоку. Барсуков стоял у стены и смотрел на меня с тем прищуром которым смотрят когда что-то замечают, но пока не понимают что именно.

Я уставился в окно.

После занятия он догнал меня у выхода.

— Где учился?

— В школе, — сказал я. — Просто — читал много.

Барсуков стоял и смотрел. Потом кивнул — коротко, как ставят запятую, не точку — и ушёл.

Ладно. Засветился немного. Бывает. Главное — не повторять.

— — —

В тот же вечер кто-то из дальнего взвода получил письмо из дома.

Это было событием — почта шла долго и нерегулярно, письмо ждали. Боец — молодой узбек, Ринат знал его в лицо но не по имени — вышел в центр казармы и начал читать вслух. Читал по-русски, медленно, с акцентом, иногда запинаясь.

Мать писала про огород. Про то что помидоры в этом году хорошие. Про соседа Мирзо который починил забор и теперь хочет денег. Про младшего брата который плохо учится в школе, пусть Акбар напишет ему письмо, он его слушается. Про погоду — дожди, потом снова солнце. Про то что она молится за него каждый день, пусть Аллах хранит.

Казарма слушала тихо.

Кто-то смеялся — негромко, когда про соседа Мирзо и забор. Потом смех утих сам собой.

Акбар дочитал, сложил листы, убрал в конверт. Постоял секунду с этим конвертом в руках.

— Хорошее письмо, — сказал Довлет.

— Да, — сказал Акбар.

Это был весь разговор.

Я лежал на нарах и смотрел в потолок. Думал о матери Рината — которая сейчас, в декабре 1979-го, в Набережных Челнах, не знает где её сын и что с ним будет. Которая, может, тоже пишет письмо — про КамАЗ, про деда, про погоду. Про то что молится каждый день.

Письмо придёт сюда. Его будет читать я.

Это была странная мысль. Я не стал её додумывать.

— — —

На следующее утро нам выдали дополнительные магазины.

Никто ничего не объяснял — просто принесли ящик, Барсуков раздал, велел держать при себе. Я взял, пересчитал, убрал. Рядом Довлет взвешивал магазин на ладони — проверял, что ли.

— Завтра, — сказал он.

— Что завтра?

— Идём завтра. — Он убрал магазин в подсумок. — Когда дают лишние магазины — идут завтра.

— Откуда знаешь?

Довлет посмотрел на меня.

— Второй год здесь, — сказал он просто.

Я кивнул. Смотрел на свой автомат — АКМ, 1967 года выпуска, судя по клейму на цевье — и думал о 27 декабря.

Завтра.

Вечером в казарме было тише обычного. Не тишина отдыха — тишина ожидания, другая. Бахтиёр не доставал тетрадь. Фарид сидел на нарах и смотрел в стену. Барсуков прошёлся, проверил снаряжение у каждого, ничего не сказал.

Перед отбоем Фарид опустил на колени рядом со своими нарами.

Никто не прокомментировал.

Я лёг и смотрел в потолок. Дерево, пятна сырости, гвоздь торчит криво. Снаружи — декабрьский Кабул, холод, тишина.

Около двух ночи в казарме не спал почти никто.

Это не обсуждалось — просто темнота была живой, слышно было дыхание, люди ворочались. Довлет спустился с нар и сел рядом со мной. Просто сел, без объяснений.

— Юра Савельев не спит, — сказал он тихо.

— Кто?

— Из второго взвода. Мы с ним в одном автобусе ехали от военкомата. Ашхабад. —
Пауза. — Он всегда перед важным не спит. Потом говорит — зачем волноваться, всё равно
будет как будет.

— Умный, — сказал я.

— Не знаю. Просто такой. — Довлет смотрел в темноту. — Хочет на механика выучиться.
После армии. Говорит — машины ему нравятся, любые.

Я смотрел в темноту.

— Выучится, — сказал я.

Довлет не ответил. Посидел ещё немного, потом полез обратно на нары.

Я лежал и думал о Юре Савельеве которого не знал. О том что семьдесят девять — это
семьдесят девять отдельных людей. У каждого своё: машины, или мать в платке, или огород
с хорошими помидорами в этом году.

Заснул под утро, ненадолго.

И сразу проснулся от голоса Барсукова:

— Подъём. Боевая готовность.

Глава 2

Глава 2

Барсуков орал негромко — это был его фирменный стиль.

Не срывался на фальцет, не брызгал слюной. Просто говорил чуть громче обычного и чуть медленнее, с паузами — как будто давал каждому слову время дойти. Это было хуже крика. Когда орут — можно отстраниться, переждать. Когда говорят вот так — деваться некуда.

— Ильясов. Ты что, спишь стоя?

— Никак нет.

— А почему на левом плече у тебя складка?

Я скосил глаза. Складка была. Откуда взялась — непонятно, только что не было.

— Устраняю.

— Устраняй быстрее.

Барсуков двинулся дальше вдоль строя. Рыжий, веснушчатый, с руками которые казались чуть длиннее чем нужно. Двадцать четыре года, сержант, второй год в Афгане. С утра не разговаривать. После обеда — можно.

Строй стоял на плацу — утоптанная мёрзлая земля. Декабрьское солнце висело низко, почти не грело, только слепило. Я щурился и смотрел прямо и думал о том что через три дня этот плац будет выглядеть иначе. Или не будет выглядеть никак — в зависимости от того с какой стороны смотреть.

Справа стоял Довлет. Ровно, взгляд прямо, жевал что-то за закрытым ртом — неторопливо, методично. Я покосился на него. Он не отреагировал.

Слева — незнакомый. Высокий, тёмные глаза, аккуратные движения. Когда Барсуков проходил мимо — замирал идеально. Когда Барсуков отворачивался — спокойно поправлял воротник двумя пальцами, без суеты.

Интересная привычка. Делать всё правильно, но только когда нужно.

После команды разойтись он повернулся ко мне.

— Складку надо было убрать ещё перед выходом.

— Спасибо, — сказал я.

— Пожалуйста, — сказал он без иронии и пошёл в сторону казармы.

— Фарид, — сказал Довлет тихо, не поворачивая головы. — Самаркандский. Хороший.

— Я понял, — сказал я.

— Нет. — Довлет помолчал. — Ты не понял. Он хороший.

И пошёл следом.

— — —

До завтрака были хозработы — расчистка территории. Лопаты, мёрзлая земля, пар изо рта. Никто особо не торопился.

Я работал и смотрел по сторонам.

Лагерь располагался на окраине Кабула. За периметром начинался город — глинобитные дувалы, плоские крыши, кое-где деревья без листьев. Вдали горы — серо-коричневые, снег только на самых вершинах. Небо синее, почти летнее, и это странно не совпадало с холодом. Кто-то перепутал декорации.

Рядом работал Фарид. Поднял взгляд на меня, потом на горы, потом снова на лопату. Молчал.

— Ты давно здесь? — спросил я.

— Четыре месяца.

— И как?

Он подумал.

— Нормально, — сказал он. — Привыкаешь.

— К чему именно?

— Ко всему, — сказал Фарид. — К холоду. К запаху. К тому что всё незнакомое. — Он воткнул лопату. — К тому что люди разные, а живёшь как один.

— Это хорошо или плохо?

— Это просто так.

Он снова взял лопату и перестал говорить. Я понял что разговор закончен — не потому что Фарид был груб, а потому что для него это было исчерпывающим ответом.

— — —

После завтрака — занятие по тактике.

Греков объяснял действия при обнаружении противника на марше. Рисовал схемы, спрашивал. Я сидел в третьем ряду и молчал — после вчерашнего засвечиваться не хотелось.

Но Греков добрался и до меня.

— Ильясов. Головной дозор принял огонь. Колонна в движении. Ваши действия?

Я знал ответ. Точнее — я знал четыре ответа, в зависимости от типа дороги, характера огня и состава колонны. Это была тема второго семестра второго курса, практическое занятие, преподаватель Семёнычев. Я даже помнил пример который Семёнычев приводил — Корея, 1950-й, американцы на шоссе.

— Колонна стоп, — сказал я. — Машины расходятся к обочинам. Дозор ведёт огонь на подавление, основные силы занимают позиции по обе стороны дороги. Командир оценивает численность противника и принимает решение — отход или встречный бой.

Греков смотрел на меня.

— Правильно, — сказал он. — Кто добавит?

Никто не добавил.

Барсуков стоял у стены. Я снова почувствовал его взгляд — тот же прищур что вчера. На этот раз он подошёл ко мне сразу после занятия, не дал уйти.

— Ильясов.

— Да.

— Ты откуда всё это знаешь?

— Читал много, — сказал я.

— Читал, — повторил он. Пожевал это слово.

— Интересовался военным делом. С детства.

— С детства. — Барсуков смотрел на меня. — Слушай. Я не знаю что с тобой не так. Может и ничего не так. Но ты слишком правильно отвечаешь для рядового который читал книжки.

Я молчал.

— Так вот, — сказал он. — Это хорошо что знаешь. Но пока — не показывай. Здесь не любят когда новый умнее всех. — Он сделал паузу. — Понял?

— Понял.

— Хорошо. — Он ушёл.

Я стоял и думал что Барсуков — толковый человек. И что это может быть как хорошо так и плохо.

— — —

На третий день в декабре был банный день.

Это было событием — не таким как штурм, конечно, но по-своему. Баня находилась в отдельном строении за казармой — дощатый барак, печь-буржуйка, деревянные полки. Горячей воды было ровно столько сколько успевали нагреть, и распределялась она по принципу кто первый встал.

Очередь выстроилась с утра.

Я занял место за Довлетом и Бахтиёром. Бахтиёр изучал список очереди с видом человека который обнаружил в нём теоретическую ошибку.

— Смотри, — сказал он мне. — Первый взвод идёт раньше второго. По какому принципу?

— По алфавиту.

— Аннаев — это «А», Рахимов — это «Р». По алфавиту мы должны идти раньше Сидорова.

— Ты хочешь оспорить список?

— Нет, — вздохнул Бахтиёр. — Хочу понять логику. Если логики нет — это тревожно. Люди без логики непредсказуемы.

— Барсуков составлял, — сказал Довлет.

— У Барсукова есть логика?

— У Барсукова есть список, — сказал Довлет. — Это лучше.

Очередь двигалась медленно. Изнутри доносился пар, голоса, иногда смех. Снаружи мёрзли.

Когда дошла наша очередь, выяснилось что мыло кончилось.

Точнее — оно было, но старшина Гречко выдавал его с такой неохотой как будто это было его личное мыло, купленное на собственные деньги. Гречко был круглый, красный, с маленькими злыми глазами — один из тех людей которые находят смысл жизни в контроле над мелкими ресурсами.

— Мыло на роту получено, — говорил он у дверей, загораживая проход. — Экономить надо. Одного куска на двоих хватит.

— Товарищ старшина, — сказал Бахтиёр. — Нас восемь человек в группе.

— И что?

— Один кусок на двоих — это четыре куска. У вас есть четыре куска?

Гречко смотрел на него.

— Умный, да?

— Нет, — честно сказал Бахтиёр. — Просто считать умею.

Это грозило затянуться. Я шагнул вперёд.

— Товарищ старшина. — Я старался говорить спокойно и по-деловому. — По нормативу ГАУ на одного военнослужащего при помывке положено тридцать граммов хозяйственного мыла. На восемь человек — двести сорок граммов. Это примерно один стандартный кусок. Выдайте один кусок, мы разберёмся сами.

Гречко смотрел на меня. Потом на Бахтиёра. Потом снова на меня.

— Откуда ты такой взялся? — спросил он.

— Из Набережных Челнов.

Он что-то пробурчал, полез в ящик, выдал мыло — один кусок, жёлтый, хозяйственный, с запахом который ни с чем не спутаешь.

— Вот умники, — сказал он нам в спину.

В предбаннике Бахтиёр повернулся ко мне.

— Норматив ГАУ, — сказал он с уважением. — Это правда существует?

— Понятия не имею, — сказал я. — Но звучало убедительно.

Бахтиёр засмеялся. Первый раз с тех пор как я его видел — по-настоящему, без академической интонации.

— Хорошо, — сказал он. — Ты хорошо придумал.

Довлет взял мыло, понюхал.

— Хозяйственное, — сказал он.

— Да.

— Нормально, — сказал Довлет и пошёл на полук.

— — —

Вечером кто-то из второго взвода получил письмо из дома — второе за неделю, редкая удача. Сел в центре казармы и начал читать вслух, не спросив. Просто — начал читать, и все слушали.

Это было письмо от матери. Про то что дома всё хорошо, корова отелилась, назвали Зорькой. Про младшего брата который упал с дерева и теперь рука на перевязи, но доктор говорит заживёт. Про то что отец получил грамоту на работе, очень гордится. Про то что она молится каждый день.

— Зорька, — повторил кто-то со смехом.

— У нас тоже была Зорька, — сказал голос из дальнего угла. — У деда.

— У всех была Зорька. Это советское имя для коров.

— Как Барсуков для сержантов, — сказал Бахтиёр.

Смех — короткий, осторожный, но настоящий.

Потом стихло.

Боец дочитал, сложил письмо, убрал за пазуху. Посидел секунду. Потом встал и пошёл к своим нарам — молча, ни с кем не разговаривая.

Казарма затихала.

Я лежал и думал про мать Рината. Про то что она сейчас пишет письмо — про КамАЗ, про деда, про погоду. Про то что это письмо придёт сюда, и его буду читать я. Про то что я должен буду написать ответ — её почерком, её словами, про то что служба идёт нормально и кормят хорошо.

Это было странно. Но много чего было странно.

— Ильясов.

Я повернул голову. Бахтиёр лежал на соседних нарах, смотрел в потолок.

— Да.

— Ты не думаешь что скоро куда-то пойдём?

Я подумал секунду.

— Думаю.

— Я тоже думаю. — Он помолчал. — Магазины дали. Колесов сегодня смотрел на карту.

— Пауза. — Мой отец говорил что армия — это машина которая движется по расписанию которого никто не знает кроме тех кто его составлял.

— Умный отец.

— Очень, — вздохнул Бахтиёр. — Вот он сейчас в Душанбе и спит спокойно. А я думаю про расписание.

С нижних нар сказал Довлет — не открывая глаз:

— Спи. Завтра расписание само покажется.

— Ты не спишь, — сказал Бахтиёр.

— Сплю.

— Как ты тогда слышишь?

— Привычка, — сказал Довлет.

Бахтиёр подумал над этим ответом. Видимо не нашёл возражений — замолчал.

Я смотрел в потолок.

Снаружи был декабрьский Кабул. Холод, тишина, далёкие огни. Где-то — собака. Одиночный выстрел, потом тишина. Норма.

Три дня.

Я закрыл глаза.

— — —

На следующий день пришло письмо Ринату.

Барсуков раздавал почту после обеда, называл фамилии. Когда дошёл до «Ильясов» — я дёрнулся немного, потом взял конверт. Аккуратный, с маркой, адрес написан знакомым почерком. Память Рината дала: мать, пишет по воскресеньям, ровные буквы, почти печатные.

Я отошёл к окну, вскрыл.

«Дорогой Ринатик. Получили твоё первое письмо, очень рады что доехал хорошо. Папа говорит служи честно, он в тебя верит. Дед Хасан спрашивал про тебя каждый день, я сказала что всё хорошо, он сказал что молится. На КамАЗе новая линия запускается, папу поставили старшим мастером, он очень доволен. Зима у нас ранняя, снег уже в ноябре лёг. Тётя Гульнара прислала чак-чак, я немного оставила, положила в твою комнату, когда вернёшься поешь. Пиши нам чаще. Скучаем. Мама.»

Я стоял с этим письмом у окна.

Чак-чак в комнате которой у меня нет. Мать которая не моя мать. Дед который молится за человека которого больше нет.

Я сложил письмо, убрал в карман.

Буду отвечать. Напишу что всё хорошо, служба идёт, кормят нормально. Напишу что рад за папу и за новую линию. Спрошу про деда. Это правильно — и для неё, и для Рината, которого я носил в себе.

— Хорошие новости? — спросил Бахтиёр.

— Нормальные, — сказал я. — Дома всё в порядке.

— Хорошо, — сказал он. — Когда дома в порядке — это хорошо.

Он произнёс это просто, без иронии. Я посмотрел на него — и увидел что он тоже смотрит на конверт в моей руке. С тем выражением с которым смотрят когда хотят получить то же самое, но вслух не скажут.

— Тебе ещё не писали?

— Нет. — Он пожал плечами. — Отец занятой. Наверное напишет когда время будет.

— Может уже написал. Почта идёт долго.

— Может, — согласился Бахтиёр. — Наверное.

Он повернулся и пошёл к своим нарам. Я смотрел ему в спину — тощий, прямой, с этой книгой торчащей из кармана.

Потом тоже пошёл.

Письмо лежало в кармане и казалось тяжелее чем весило.

— — —

Той же ночью нам выдали ещё патроны.

Это было сверх магазинов — рассыпной, в мешочках, по сто штук. Такого раньше не было. Это было что-то новое даже для Довлета — он взял мешочек, повертел, убрал, и на этот раз ничего не сказал.

Перед отбоем Барсуков прошёлся по казарме последний раз. Остановился посередине.

— Завтра подъём в пять, — сказал он. — Форма одна. Снаряжение полное. Вопросы?

Вопросов не было.

— Хорошо. — Он помолчал секунду — чуть дольше обычного. — Спать.

Погас свет.

Я лежал в темноте и слушал как казарма затихает — медленнее чем обычно. Люди ворочались, кто-то кашлял, кто-то шептал что-то. Фарид — я знал по дыханию — долго не засыпал. Бахтиёр возился с книгой, потом убрал.

— Довлет, — сказал я тихо.

— Да.

— Ты боишься?

Долгая пауза.

— Нет, — сказал он наконец.

— Правда?

— Правда. — Ещё пауза. — Я думаю о доме. Это другое.

Я ничего не сказал.

— А ты? — спросил он.

Я подумал честно.

— Нет, — сказал я. — Но у меня другая причина.

— Какая?

— Потом расскажу.

Довлет помолчал.

— Хорошо, — сказал он. — Потом.

И замолчал.

Через несколько минут я слышал что он спит — дышит ровно, как всегда. Это было, наверное, его главное умение: спать когда надо спать.

Я не умел так. Лежал и думал.

Завтра — штурм. Я знаю как это закончится в большом масштабе. Не знаю как это закончится для людей в этой казарме. Это разные знания. Второе важнее, а его у меня нет.

Снаружи Кабул жил своей декабрьской ночью.

Подъём в пять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.